

Эта история так понравилась моей заказчице, что по ее настоянию я пишу продолжение.

Как хорошо, что я нашла его — свой старый дневник. За это время столько всего произошло, что я даже не знаю теперь, с чего начать.

Начну с главного. Я живу с моим любимым мужем Томом в Советском Союзе. Уже полтора года. Невероятно, но у нас все получилось. Нас не поймали. И в Союз впустили, и гражданство мы получили, и у нас теперь паспорта на русском языке.

Том называет меня Везунчиком. Говорит, что никогда еще ему так не везло, как со мной. Я и сама удивляюсь, хотя думаю, что это все его потрясающие шпионские навыки.

Жить в СССР странно и забавно. Русские все верят в своего бога Ленина. Они как дети, которым нужно придумать сказку — что веник, например, это ведьминская метла, а убрать игрушки — это спасти пострадавших от землетрясения. Тогда у них загорятся глаза и они будут делать все, что им говорят. Вот правительство и придумывает им сказки, чтобы те работали на них и радовались. Так можно и деньги не платить за работу, потому что это уже не работа получается, а как бы игра. Это называется у них «строить коммунизм». С деньгами, кстати, тут плохо — все бедные, и даже в магазинах нет продуктов.

Но зато русские очень добрые и доверчивые. Они и здесь как дети. Говорить о деньгах у них считается неприличным, потому что все как одна семья. Правительство — это как родители. Они решают за детей, что им полезно, что вредно, и вообще — как им жить. А дети хоть и вредничают иногда, но зато чувствуют себя под опекой. Никакой свободы в СССР нет и в помине, потому что весь СССР — это такая большая детская. А родители покомандуют-покомандуют, кинут детям сказку — и уйдут делать свои взрослые дела у них за спиной.

Меня тут обожают. Америку и американцев не очень любят, а меня готовы на руках носить. Мне все прощают, даже эти смешные сказочные предметы — диамат, истмат и прочие. Без них не получишь диплома и работы, а кроме английского я ничего полезного не знаю и не умею.

Живем мы в городе Воронеже, в крохотной квартирке из двух комнат. Муж работает в местной больнице, а я учусь заочно в педагогическом институте, чтобы потом учить детей английскому. В этом году я все сдам экстерном и смогу работать.

Русский я выучила за пару месяцев. Не знаю, как это у меня вышло, но когда я слышала какое-нибудь новое слово — я сразу запоминала его навсегда. Сейчас я говорю почти как Том, а он-то русским владеет в совершенстве, я даже не отличаю его выговор от местного. Он страшно удивлялся и говорил, что у меня уникальный талант к языкам. Наверно, дело просто в том, что мне очень хотелось поскорей понять этих милых людей, которые глазели на меня, раскрыв рот.

Муж пришел. Пойду накормлю его. Когда я училась быть девушкой, я училась и готовить, и это у меня тоже получалось так, будто я всю жизнь была поварихой. Тут принято, чтобы жена готовила мужу, и мне это нравится. Мне вообще здесь очень нравится, хоть мы и живем бедно.

Кажется, я счастлива.

И быть девушкой, женой мне тоже очень нравится.

Сейчас ночь. Перед сном мы хорошоенько вымотали друг дружку в постели, и Том крепко спит после этой гонки. А я проснулась и пишу на кухне. У нас крохотная кухня, как шкаф. Сейчас я напишу то, что стеснялась писать днем. Чего стеснялась — не знаю. Дневного света. Глупо, конечно.

Так вот: мне нравится быть девушкой. Это очень-очень здорово — быть Джеки.

Но все-таки быть Джеком я так и не перестал.

И здесь, в своем дневнике, я немного им побуду. Ночью, пока никто не видит.

Я долго думал и решил, что у меня не одна душа, а две — мужская и женская. Когда-то мужская была главной, а женская пряталась где-то очень глубоко и выглядывала только во сне. А потом женская стала главной... хотя нет. Просто они управляют разными вещами.

Женская управляет моим телом. Я двигаюсь, как девушка, я люблю мужчину и хочу, чтобы он ласкал и оплодотворял меня, и я счастлива, когда он это делает. Я знаю, что я красивая, и мне приятно, что мной любуются. И эмоции во мне появились совсем новые, каких раньше не было.

А мужская, как и раньше, управляет моим мозгом, моим «я», потому что это «я» выросло Джеком и уже никогда не сможет быть кем-то еще. Я по-прежнему думаю про себя, как про Джека. В русском языке все слова бывают мужскими и женскими, и мне все время хочется говорить про себя «я сделал», «я сказал»...

Я как парень, переодетый в девушку, — не только в одежду, но и в женское тело. Я обожаю свое лицо, волосы, сиськи, но обожаю как парень. Я до сих пор немного стесняюсь себя. Я стесняюсь косметики, стесняюсь, когда иду накрашенная, но при этом и горжусь, что мной любуются, и сам собой тоже любуюсь, только изнутри...

И я очень люблю смотреться в зеркало, особенно голышом.

Том уставил всю комнату зеркалами, и когда мы делаем Это, я смотрю туда и вижу, как он дырявит там голую кудряшку, и как у нее сиськи болтаются туда-сюда, и как она корчится, и сам схожу с ума — не только как Джеки, но и как Джек...

Раздвоение личности?

Проклятый папаша.

И еще одно. Я стесняюсь думать об этом, не то что писать.

Но...

У меня тут есть подружки. Так странно — быть девчонкой и иметь подружек. Они просто чудесные — обожают меня, рассказывают мне секреты, обнимают, целуют, играются со мной, как с куклой, любят красить мне лицо и делать прически...

А я иногда схожу с ума.

МНЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ НРАВЯТСЯ ДЕВУШКИ.

Это было сегодня. Я не знаю, что это было и зачем, но я запишу.

Сегодня одна женщина в институте увидела меня и запричитала:

— Боже мой, что это? Что это за чудо? Откуда у нас такое?

Вначале я даже не понял, что ей нужно. Лицо у нее было такое, будто ей Бог явился, хотя русские ни в каких богов не верят, кроме своего Ленина.

И только потом до меня дошло, что это из-за моей красоты.

А сама она очень красивая, меня даже кольнуло где-то внутри. Гораздо старше меня, и вся такая... совершенная, как на старинных картинах. Высокая, горделивая. Наверно, только у русских бывает такая красота, будто они потомки императора, которого убили...

В общем, мы познакомились. Она работает тут на какой-то должности, я не запомнил. Я вообще ничего не запомнил, кроме ее вкрадчивых рук и глаз, которые как окутывают тебя золотыми лучами. Волосы у нее золотые, и глаза тоже. Ее зовут Наташа, как героиню Толстого. Но она старше и совсем не похожа на нее.

Да, и она художница. Она хочет рисовать меня.

Нас видел вместе Том. Боже, как мне стыдно, хоть я понимаю — глупо, глупо, до смерти глупо...

Сдала историю партии! Дедушка-профессор прямо прослезился. Никогда не думал, говорит, что лучший ответ в своей жизни услышу от американки. А мне его так жалко было. Ведь он верит во все, что я рассказывала.

Том все нахваливает мои способности. Странно, а папаша орал, что я тупарь тупарем. И я не помню, чтобы мне что-то легко давалось. Он просто подавлял меня, наверно.

И еще Том иногда спрашивает, не ли у меня каких-то новых необычных ощущений. Это потому, он говорит, что я все-таки уникальный случай, и он немного переживает за меня.

Сегодня спросил:

— А когда тебе все легкоается — ты ничего необычного не чувствуешь?

Странный какой-то вопрос. Я не знала, что ему ответить, и честно сказала «нет».

Смешной он. И мне совсем не все легкоается.

Боже мой, Боже мой.

Наташа придет ко мне. Будет меня рисовать.

Сказала, что лучше у нас — так я буду меньше стесняться. И когда я услышала это — «я приду к тебе домой» — не знаю, почему, но у меня мурочки побежали по телу. Домой... Почему это меня так волнует?

Том не знает. У него ночное дежурство, и я ему не сказал. Не смог.

Хотя что-то такого — ко мне просто придет подруга. Зачем ему говорить?

Боже, помоги мне.

Так. Это надо записать. Если я сплю — этой записи не будет, и все станет на свои места.

Наташи еще нет. Сижу, как на иголках, жду ее. Смертельно хочу пить. На другом краю стола чашка с водой. Я смотрю на нее, просто смотрю. И думаю в этот момент, как я хочу пить. То есть не думаю, а чувствую.

И вдруг чашка сама подъезжает ко мне по столу, будто я притянул ее рукой.

Будто кто-то невидимый толкнул ее. И ни капли не пролилось.

Я даже не испугался. То есть испугался, но потом. То есть... Не знаю. Наверно, это бред, и мне нужна помощь. Это все Наташа. Кажется, я...

Звонят!

Это она...

Боже мой, Боже мой, Боже мой...

Как стыдно перед Томом. И как хорошо.

Я не знал, что две девушки тоже могут делать Это. А теперь знаю.

Мне даже думать трудно, не то что писать. Все, что мне хотелось когда-то от Тома, чтобы он сделал со мной, я наконец-то сделал с другой девушкой. Женщиной. Меня будто вымочили в теплом молоке, и я растворяюсь там, как сгусток меда, и не могу ни о чем думать, а хочу только снова целовать ее соски и мять ее удивительное тело. Оказывается, женская грудь соленая и пружинит под языком, как фрукты...

Она сама соблазнила меня, или как это называется. Она нарисовала один набросок, другой, потом уговорила раздеться по пояс и рисовала мои сиськи. А потом подошла, говорила мне комплименты, гладила меня, целовала в соски и в губы, а я обалдел и проваливался куда-то в радужный колодец, и там горел от ее касаний. И она разделась сама, и мы терлись сиськами и лизались с ней до обморока, как кошки, и у нас были мокрые лица — у меня и у нее.

И потом я долго, долго игрался ее удивительным телом. Я сделал все, что мне так давно хотелось сделать с девушкой — изучил и обцеловал каждый миллиметр, насосал ей соски так, что они стали твердыми, как орешки, и потом вылизал ее между ног, и она громко орала и корчилась под моим языком, а у меня было липкое лицо от ее соков, как от меда... И она тоже вылизала меня, и это было совсем не так, как делает Том. Меня будто окутал тончайший кокон, такой легкий, скользящий, и я сама стала капелькой на ее горячем языке...

Я не знаю, как мне писать про себя — «он» или «она». Я не знаю, кто сегодня переспал с Наташей — Джек или Джеки. Я ничего не знаю — кроме того, что мне хорошо и стыдно. Я изменила мужу... и я не перестала любить и хотеть его. Это совсем-совсем разное — Наташа и Том, но все равно стыдно.

Наташа удивлялась потом, какая я активная. Она сказала — «я сразу почувствовала, что ты из наших». То есть из девушек, которые спят с девушками. Как она узнала?..

Мы теперь будем встречаться и заниматься Этим. Она сказала, что ей ни с кем не было так хорошо, как со мной. Аааа!..

Целую неделю Наташа ходит ко мне, и мы...

Страшно даже и подумать, чем мы занимаемся. Она надевает меня на свою тонкую руку, как куклу, и что-то трогает там внутри, и я выворачиваюсь наизнанку и умираю от сладкой боли, и это длится долго, долго — все время, пока ее рука во мне. У нее тоже длинные волосы, и когда они смешиваются с моими — получается черно-золотой каскад. Он окутывает наши плечи и груди, и это так красиво, что хочется плакать. Наташа вообще говорит, что я очень эмоциональная.

После наших встреч во мне остается много пороху, и я пристаю к Тому. Он удивляется, но никогда не отказывает... а мне стыдно.

Но я и правда люблю его.

А Наташа... по-моему, я начинаю надоедать ей со своим обожанием. Она взрослая, ей тридцать лет. Я девчонка рядом с ней. Она все расспрашивает меня про жизнь в Америке, про то, как я тут оказалась. Мне хочется рассказать ей все-все-все, но я боюсь за Тома и помалкиваю. Вдруг она кому-то перескажет? Девчонки ведь страшные болтушки.

Сегодня я сдала первой и прибежала домой на два часа раньше, чем собиралась.

Дверь была открыта. Я хотела крикнуть Тому, что я молодец, но услышала голоса из комнаты. Его и... Наташин.

Не знаю, как я устояла на ногах... а Том говорил за стеной Наташе:

— Спасибо вам, Наталья Ильинична, за помошь в этом деликатном деле.

— Ну что вы, не стоит благодарности, — говорила Наташа. — Ваша жена удивительна. Я замерла.

— Да, это верно, — отвечал Том. — Надеюсь, все это останется между нами.

— Конечно, не волнуйтесь. Я сама вовсе не заинтересована в разговорах. Хотя, раз вы обратились ко мне с такой просьбой — какие-то сплетни дошли и до вас, верно?

— Откровенно говоря, да. И когда я увидел Джеки с вами, увидел, как она смотрела на вас, а вы на нее... Я знал, что у нее есть эта потребность, хоть она никогда и не говорила мне... вы понимаете, о чем я. Она стеснялась и молча страдала... а я хочу, чтобы она была счастлива. Во всем. И я как медик не вижу ничего дурного в таком... времяпровождении. Напротив, это чрезвычайно полезно для женского организма. И законом это не запрещено, в отличие от сами знаете чего.

— Простите за деликатный вопрос, Томас Гарриевич, но... вы не ревнуете?

— Ну что вы, Наталья Ильинична! Вот если бы вы были мужчиной... но здесь я верю Джеки на сто десять процентов.

Наверно, ни один индеец никогда не крался так бесшумно, как я прокрались к выходу.

Прикрыла дверь, не дыша — и опрометью пустилась на улицу, и там еще бегала, наверно, целый час, как маленькая девчонка, и ревела, и визжала, и майское солнце, по-моему, тоже визжало со мной.

Значит, Том подстроил все это ради меня. Он подарил мне Наташу. Я задыхалась от благодарности и любви к нему, и от разочарования в Наташе, которая просто выполняла его заказ... и может, он даже заплатил ей.

Но я все равно люблю ее и буду любить всегда.

Сегодня ко мне придет Она.

Мы ни о чем не говорили ни с ней, ни с Томом, но я знаю, что это будет последний раз. Чувствую. Почему — не знаю.

Кстати, та запись в дневнике — про чашку с водой — она есть. Настоящая. Я записала ее в здравом рассудке.

Что с этим делать — не знаю. Пробовала двигать предметы взглядом — не выходит. Даже смешно.

Мужу ничего не сказала, хоть это, наверно, именно то, о чем он спрашивал. Откуда он знает, интересно?

Загадки, загадки... Сама моя жизнь, мое «я» — загадка. Кто я? Меня целых двое в одном теле, и я даже не знаю, где Джек, а где Джеки.

Но это сейчас неважно. Придет Наташа, и... я попрошу ее не бросать меня. Просто попрошу, и все. Это нестыдно. Не должно быть стыдно.

Опишу этот кошмарный день по пунктам, как бухгалтер, чтобы ничего не упустить.

Пришла Наташа. Она была как-то особенно, по-последнему нежна со мной — медлительно высасывала меня поцелуями, долгими, как аккорд, который никак не может разрешиться... и

к Этому вела долго-долго, пока я сама не взорвалась — не от прикосновений, а от накопленной сладости, которая просто вытекла из меня, как крем из пирожного. И мне хотелось плакать от ее ласк, и я плакала и просила Наташу не оставлять меня. А она утешала меня и говорила, что сейчас мы поедем к ней, и она покажет мне мой портрет ню, над которым работала по эскизам. Я на нем распускаю волосы, и они вот-вот хлынут на тело черным водопадом, и мои удивительные груди пронзают холст, и тело сверкает, как перламутр... Так она говорила, и я все это представляла как вживую, и очень хотела увидеть. Она угостила меня конфеткой, странной, терпкой на вкус... но у русских все продукты странные. И когда мы налакались и стали одеваться, чтобы ехать к ней, вдруг появился Том. Я даже не заметила, как он вошел.

— О, у нас Наталья Ильинична! Какая приятная неожиданность, — сказал он. — Как я рад, что меня отпустили с работы и я застал вас... Попьете с нами чайку?

— Спасибо, Томас Гарриевич, — отвечала та, — но я обещала показать Джеки ее новый портрет. Мы как раз собирались...

— О! Я тоже хочу посмотреть! Может, вы будете так любезны и привезете его сюда?

— Нет, к сожалению, он еще непригоден к транспортировке... А я даже забыла делать вид, что удивлена их знакомству.

Они очень любезно говорили, прямо как в кино, но при этом я видела, что происходит что-то очень странное: Наташа во что бы-то ни стало хочет, чтобы я ехала с ней, а Том точно так же не хочет этого.

Я чувствовала, как они напряжены, и как они оба медленно, незаметно пытаются загородить меня друг от друга и оттеснить к двери. Я понимала это и не знала, что мне делать. Они оба были на одинаковом расстоянии от входа, и я — посередине.

Вдруг Том, говоря очередную галантную фразу, сделал молниеносный прыжок, как в балете, и загородил меня от Наташи.

В ту же секунду в ее руках каким-то непонятным образом оказался пистолет, направленный на нас. В руке у Тома тоже появился пистолет, но он не успел поднять его.

Я завизжала.

— Оружие на пол! — крикнула Наташа. Я не узнала ее голоса. — Быстро! Как вы вовремя появились, Томас Гарриевич! Или может быть, Игорь Анатольевич?... Ты знала, Джеки, что твой муж — не только американский, но и советский агент?

— Не понимаю, о чем вы, Наталья Ильинична, — сказал Том, не выпуская пистолет. — Я увидел во дворе бронированную машину, и мне это не понравилось...

— Оружие на пол, я сказала! Джеки пойдет со мной. Отошел от нее! Быстро!

Том с силой толкнул меня в сторону, и одновременно вскинул пистолет.

Что и как было дальше, я не понимаю. Раздались глухие щелчки — и, хотя я не видела, кто стрелял, я как-то знала, что это в Тома, и он сейчас умрет, и этот ужас вдруг вырвался из меня и стал плотным, как ударная волна от взрыва, когда мы прятались в шахте...

В следующую секунду я осознала, что кричу, надрывая горло, а Том невредим, и рядом с ним в воздухе висят пули, штук пять или шесть. Будто воздух стал плотным, и они там застряли.

Я так удивилась, что перестала кричать. И Том тоже смотрел, открыв рот, на эти пули. И Наташа.

Потом он резко вскинул пистолет, говоря, да... Я совсем не осуждаю тебя, Джеки. Наоборот, я

буду рад, если ты познакомишься с девушкой... с хорошей девушкой. В Советском Союзе трудно найти лесбиянку, но... Я закрыла лицо руками. Я не могла дышать и говорить.

Потом все-таки сказала:

— Ты подглядывал за мной. Ты все время обманываешь меня. Ты говоришь, что все это ради моей безопасности, но ты даже не смог защитить меня сегодня. Если бы не эти мои способности, или как их там, ты был бы уж мертв, а я ехала бы с этой Наташей в ее берлогу... Ты ловил ее на меня, как на живца. Я тебе не верю. Я больше никогда не смогу тебе верить, никогда!..

И выбежала из квартиры.

Он гнался за мной, но я бежала быстро, очень быстро... по-моему, я даже обгоняла машины. И я совсем не устала.

Просто... я поняла, что заблудилась.

И что, наверно, немного переборщила.

Надо бы вернуться к Тому и просто хорошенько обо всем поговорить. А до тех пор успокоиться. Потому что я до сих пор реву и не могу остановиться, и от слез размазалось почти все, что я написала тут на лавочке, под фонарем. И я очень устала от всего этого, так устала, что ручка выпадает из рук...

Очнулся я в какой-то комнате.

Она была белой и чистой. И она была совсем как та палата, где я впервые стал девочкой. Я даже подумал вначале, что я все еще там, и все эти два года мне приснились.

Но потом понял, что нет. Просто понял, и все. Это была другая комната.

Потом я понял еще кое-что. Я заметил, что что-то не так. Что голове и затылку как-то непривычно.

Пощупал голову. И закричал.

Моих чудесных, любимых, замечательных волос больше не было. Я был лысый, как манекен. И даже бровей не было. Мне выскоили голову, как яйцо.

Потом мне пришла в голову кошмарная мысль, и я подскочил на койке... но нет. Сиськи были на месте, и между ног было все в порядке, если не считать того, что там тоже исчезли все волосы. Я осталась девушкой... и, кстати, снова была голой.

И, кажется, опять была в плена.

Я осмотрелась. В комнате ничего не было, кроме койки. Ни зеркала, ни тумбочки, ни туалета. Даже окна не было, — вместо него светила мерзким белым светом большая лампа на потолке. Дверь, конечно, была заперта.

На мне тоже ничего не было, даже сережек, подаренных Томом. Я была голая, лысая, безбровая и наверняка уродливая, как дьявол. Дико хотелось реветь, но я сказала себе — «заткнись!» — и заперла слезы где-то во внутреннем шлюзе, и они там щекотали меня, пока не испарились.

Выхода не было, и я просто ждала, усевшись на койку.

Ждать пришлось недолго: минут через пять дверь открылась, и ко мне вошел Он.

Или Оно.

Вообще это был мужчина. Он был одет в белый халат, как люди из той лаборатории ФБР. Почему-то я чувствовала в нем что-то странное, хоть он почти не отличался от обычных людей. Что такое было это «почти», я не могла сказать.

И только потом я поняла, что Он как-то похож на моего отца. Не внешне, а... не знаю, как. Он остановился в двух шагах и молча смотрел на меня, голую. А я на него.

Потом он сказал по-английски:

— Добро пожаловать к нам, Джеки.

— Что, все-таки упекли меня в свое ФБР? — спросила я.

Он ухмыльнулся:

— ФБР? Это не совсем ФБР.

— А что? КГБ?

— Нет, и не КГБ. Мы даже... не совсем в Советском Союзе.

— А где?

— Не беспокойся. Со временем ты все узнаешь.

— Зачем вы побрили меня?

— Чтобы ничего не мешало изучать тебя.

— Изучать? Опыты собираетесь ставить, да? — я даже охрипла от крика.

— Я бы так не сказал. Скорее — сотрудничать с тобой. Ты нужна нам.

— А вы мне — нет.

— Ну-ну. Это не так существенно. А сейчас... сейчас нужно выполнить обряд обладания.

— Какой еще обряд? — передернуло меня.

— Древний обряд, без которого мы не сможем плодотворно работать с тобой.

В дверь вошли трое. Прежде чем я успела что-то сообразить, они завалили меня на койку и развели мне колени. На руках и на ногах у меня защелкнулись какие-то замки.

Потом они вышли. Первый, самый главный, снял штаны и трусы, а я кричала и, кажется, ругалась русским матом.

Он подошел ко мне и стал трогать мне грудь и вагину.

Самое мерзкое, что я сразу почувствовала возбуждение — вязкое, болотное, как в кошмаре. Одно то, что меня, голую и беззащитную, распахнули всей срамотой перед ним, нагнетало подсасывающие волны в пах. Проклятое мое тело! Впервые за эти годы я ненавидела его.

— Чтобы не драть тебя всухую, — приговаривал он, поглаживая мне вагину. — О, как быстро мы мокреем... горячая девочка...

«Нужно о чем-то говорить, — поняла я. — «Сопротивляться...»

— Что это за работа, для которой вы насилиуете чужую жену? — крикнула я. — Шлюхой хотите сделать?

И поняла, что это неправильный поворот: от одного слова «шлюха» в паузы заныло еще сильней.

— Ну что ты. Всего лишь один раз... а потом — только если захочешь, — ухмыльнулся он, массируя мне клитор. Дьявол, я уже текла, как труба у нас в ванной...

— Как вы поймали меня? — спросила я, изо всех сил сопротивляясь кипучим волнам, распирывшим бедра.

— Очень просто... — мурлыкал он, всовывая в меня свою колбасу. Я не сдержалась и застонала.

«Это просто кусок мяса» — твердила я себе. — «Кусок мяса, который сейчас у меня внутри. Как на медосмотре... Ааах! Дьявол...»

— Очень просто, — кряхтел он, распирая меня до хребта. Мои бедра норовили затанцевать в такт его толчкам, и я еле сдерживалась. — Наша сотрудница... дала тебе препарат, который

вначале усиливает твое акме... а потом приглушает его... и ты... засыпаешь...

«Наташина конфетка» — поняла я.

Приглушает мое акме, значит.

Я никогда не слышала такого слова. Но все равно я отлично поняла, о чем говорит этот урод, вогнавший в меня свой дрын... ааа... аааа!..

Ну погоди, думала я, стараясь не стонать. Щас я покажу тебе акме. Так покажу, что на всю жизнь запомнишь.

Я думала эту мысль, и думала так сильно, что стала чувствовать ее — какая она во мне твердая и горючая, как огонь.

Этот огонь усиливался — и вдруг я поняла, что могу направить его Туда.

И направила.

— ААААААА! — заорал Он. — АААА!

Я оттолкнула его от себя — не руками, а все так же, — и Он отлетел, как тряпка, шлепнувшись о стену, и там упал и продолжал орать. Вместо дрына у него болтался синий ошметок.

Ничего себе, подумала я.

И тут включилась сирена, как в кино.

Она ввинчивалась мне в мозг, и... я выключила ее. Вот просто выключила, и все. Не знаю, как, но я сказала ей — «заткнись!» Или даже не сказала, а...

Дверь открылась, и в комнату полезли чудики в шлемах и скафандрах.

Я даже испугаться не успела, а просто посмотрела на них, и они уперлись в мой взгляд, как в стену, и не могли пройти сквозь него.

— Дерьмовые у вас препараты делают, — сказала я им. — Халтура! Фуфло!

И вспомнила, что все еще прикована к койке.

Я ничего не трогала, не расстегивала, не вникала в замки... Просто я захотела встать с койки — и встала. Не знаю, как.

Чудики все еще толклись за невидимой стеной.

— А ну очистить помещение! — крикнула я им по-русски и выдавила их взглядом из комнаты, как червяков из банки. Потом посмотрела на главного, который корчился на полу — и тот тоже уехал за порог, как по льду. Дверь захлопнулась.

Во мне кипел маленький черный смерч. Я немного боялась его и старалась удерживать кипение в каких-то пределах, чтобы он не разгорелся.

«Что дальше?» — думала я.

Вот оно, оказывается, какое — мое акме, или как его там.

Я чувствовала, что лучше не думать об Этом, и не думала. Значит, я экстрасенс. Или колдунья. Или...

Как бы Оно ни называлось, но одолеть целую секретную лабораторию (а это явно была она) я вряд ли смогу. Да и не нужно мне это — воевать с ними. Мне нужно лишь выбраться наружу и понять, где я. И потом — домой, к Тому...

Дверь снова открылась. Вошла Наташа.

Вот уж кого я не ожидала здесь увидеть.

— Думаешь, ты тут самая сильная? — крикнула она мне с порога. — Думаешь, с тобой никто не справится?

Она постарела лет на восемь и осунулась — ведьма-ведьмой. Или она всегда была такой, а я не замечала?

Черный смерч завертелся сильнее, и я уже хотела вышвырнуть ее из комнаты, но... увидела ее взгляд.

Он был совсем не такой, как слова. Он говорил «не слушай меня». И сама Наташа, выкрикивая гадости, едва заметно качала головой. И протягивала мне руку.

В руке что-то было — какая-то бумажка. Я взяла ее, и Наташа выскочила прочь, крикнув мне:
— Лысая образина!

На бумажке было написано:

«Ничего не бойся. Ты Акаши, ты можешь всё. Они ничего тебе не сделают. Твой муж здесь, у них. Освободи его. Я сука, прости меня».

Дьявол.

— Значит, я Акаши, и я могу всё? — спросила я то ли вслух, то ли про себя.

И подумала — а не сон ли это? Хотя знала, что нет.

Раз я могу всё — значит... значит, я могу не быть лысой образиной. Мои волосы, мое кудрявое чудо...

И они сразу проросли сквозь кожу и окутали меня! Это было больно... но теперь я была собой! И брови были на месте, и даже волосы в паху.

Снова открылась дверь. В нее вошел какой-то тип. Сзади его прикрывали чудики в скафандрах, нацелив на меня пушки, жуткие на вид. Но мне было не страшно, а смешно. Я чувствовала, я совершенно точно знала, что они не угроза мне.

— Следуй за мной, — сказал тип по-русски. — Мы ничего тебе не сделаем.

— Конечно, ничего не сделаете, — заявила я. — Кишка тонка. Зачем это еще мне куда-то следовать?

— Я отведу тебя к монитору и кое-что покажу.

И я пошла за ним, как была, голая, босая, с копной распущеных волос. Я бесстыдно шла мимо чудиков, а те пялились на меня сквозь свои шлемы...

— Смотри, — тип подвел меня к подвесному экрану.

Я вскрикнула — там была Наташа, привязанная к столбу.

— Если ты не будешь делать то, что тебе говорят, мы поджарим ее заживо, — сказал тип. — Она будет гореть долго и мучительно...

— Чтоооо?! — я развернулась к нему. — А ну веди меня к ней!

— Только после того, как...

— Ведиииии! — заорала я, и вместе со мной заорал этот тип — от боли. Чудики стали хлопать своими пушками, но я даже не обращала на них внимания. — Веди, или я сама поджарю тебя! Прямо здесь.

Тип задымился.

— Ыыыы! — выл он и катался по полу. — Не надо, я отведу... отведуууу...

И повел меня по коридору, пошатываясь, как пьяный. За мной шли чудики, отступив на почтительное расстояние. «Тревога, тревога... заблокировать сектор Б» — слышала я из-за стен.

— Здесь мы не пройдем, — сказал тип, подывая от боли, когда мы подошли к железным воротам, похожим на шлюз. — Нас заблокировали.

— Как заблокировали, так и разблокируют, — сказала я, и ворота исчезли. Были — и нету. Вместо них была стена воды. И она неслась на нас.

Я не то что испугалась — скорей растерялась от неожиданности. И меня даже успело слегка

обмочить, прежде чем я раздвинула воду, которая бушевала вокруг меня, утаскивая за собой всех и вся.

И тогда я страшно разозлилась.

Они хотели поймать меня в эту глупую ловушку, а в итоге только погубили своих людей.

Я так разозлилась, что черный смерч распер меня до самой макушки, и я вдруг увидела все вокруг, все здание, как на чертеже. И поняла, где Том, где мои вещи и где Наташа.

Только Наташи я не чувствовала. Это было плохо, очень плохо, и я ринулась к ней — не знаю как, сквозь воду, стены и потолки, держась за свою мысль, как за нить... и попала в комнату, которую видела на экране — со столбом.

Но было поздно. Они обманули меня: на столбе болталось обугленное тело.

И тогда я закричала. Смерч распер меня так, что стало больно.

Какими-то прямыми, как рельсы, путями, сквозь перекрытия и пустоты я проникла в комнату, где были мои вещи, и взяла свою сумку с дневником, который эти уроды наверняка читали и копировали; потом точно так же проникла к Тому.

— Джеки! — крикнул он и кинулся ко мне. — Почему ты голая? Ты как? Как ты? Все хо...

Он осекся, заглянув мне в глаза.

— Идем. Держись, — я дала ему руку. Он вцепился в нее, и мы вылетели по этим моим внутренним рельсам наружу, на воздух.

Вокруг громоздились горы, покрытые снегом и ледниками.

— Ничего себе! — выдохнул Том. — Джеки, как ты это сде... Господи! Что с тобой?

Перед нами стояли эти здания — белые кубы, похожие на сахар-рафинад из советских поездов. Сверху кружили вертолеты.

— Джеки, ты что... не надо, Джеки! Не надо! Не делай этого! — крикнул Том, забегая передо мной. А я ничего и не делала — я стояла и смотрела, просто смотрела на все это, и смерч во мне кипел, сдавив дыхание. — Не надо! Там люди!..

Он все понял, мой Том.

Что ж. Люди так люди.

Я закрыла глаза. Вот они — люди. В шлемах и без. Вооруженные и не. Мужчины и женщины. Вот они изнутри — напуганные, беспомощные перед болью...

— Джеки! Сверху!..

На нас падало что-то черное. Оно не успело упасть — я отбросила его подальше, за соседние хребты, и там оно полыхнуло, раскололо небо. Горы загудели от лавин.

— Ни хуя себе, — выругался по-русски Том.

Так вот, значит, как. Люди.

И я нырнула им в мозги — всем сразу, напуганным и беспомощным.

Зазвенел многоголосый крик — не знаю, только я слышала его, или Том тоже, — и из рафинадных кубиков потекли человеческие ручейки. Люди, обезумевшие от страха и боли, которую я вогнала в них (не слишком, просто чтобы проняло) — люди выбегали наружу и неслись подальше от кубиков, истекавших потоками в белых халатах, как молоком.

Когда я почувствовала, что кубики пусты, я собрала свой смерч, кипевший во мне, в один луч, направила его на них — и...

— Джеки, может, не надо... о Боже! О Боже, — повторял Том, глядя, как кубики медленно трескаются, оседают и с гулом проваливаются в никуда.

Когда на их месте зияла бездонная дыра, он повернулся ко мне.

— Джеки! Успокойся! Успокойся, слышишь?!

Вертолеты отлетели от нас и кружили над тем пятаком, где скопились люди. Смерч каменел во мне, и вместе с ним каменела я.

— Что теперь? — спросил Том, когда я глубоко-глубоко выдохнула, до последнего клошка воздуха, и посмотрела на него.

Мне было страшно от того, какая я. Я не хотела быть такой. Я хотела быть обычной Джеки.

Красивой кудрявой девчонкой, которая немножко мальчик...

Том был бледный, как ледники вокруг. Я вдруг поняла, что здесь, наверно, очень холодно, и он замерз. Мое голое тело не чувствовало ни холода, ни жара — ничего, кроме следов черного смерча, выжегшего каждую его клетку.

— Где мы? — спросила я.

— Думаю, в Гималаях.

— В Гималаях?..

— Да. Никогда не верил в такие штуки, но... наверно, это была Шамбала или что-то вроде.

Думаю, ты уничтожила базу одной из главных геополитических сил на планете, Джеки.

Теперь в мире начнется бардак... Интересно, кто стоял за всем этим? Точно не Соединенные Штаты, я уверен. И тем более не Советский Союз...

— Кто такие Акаши? — спросила я.

— Акаши? Это такая мистическая база данных. Такое измерение, где хранится информация обо всем и вся. Это как раз из гималайской мистики. Почему ты спросила? Я никогда не слышал, чтобы так звали каких-то существ... Как нам теперь попасть домой?

Когда он сказал «домой», я вдруг что-то вспомнила.

Или даже не вспомнила... и даже не я, а что-то во мне как-то отзвалось на это слово.

Домой...

— И куда нам податься? — продолжал Джек. — Назад в Штаты? Я там предатель. В Союз?

Думаю, нас везде будут находить эти люди. Правда, с тобой им лучше не связываться, но...

Как мы выберемся отсюда, Джеки? И куда?

— Кажется, я знаю, — сказала я.

Я вдруг поняла это. Поняла, как добраться домой.

Не к папаше, не в Воронеж, а домой.

Я понятия не имела, где этот дом и какой он. Просто я поняла, как туда попасть.

— Держись крепко, — сказала я, обняв Тома. Закрыла глаза — и просто сказала себе: «домой».

Или не сказала, а подумала. Или не подумала, и не почувствовала, а...

Вокруг нас трещали искры и леденела пустота, но я крепко обнимала Тома, а он меня.

И через какое-то время — через минуту, а может, через год — мы были там.

А может, и вовсе никакого времени не было. Но это не важно.

Вокруг нас больше не было гор и ледников.

Во все стороны простирались невозможные, небывалые лиловые холмы. Сверху висело такое же невозможное янтарное небо с тремя лунами.

— Джеки, где мы? На том свете? Мы умерли? — вопрошал меня Том.

А я стояла и смотрела.

Потому что я уже видела где-то эти холмы, и небо, и три луны. В каком-то самом забытом и невозможном из снов.

— Я не знаю, Том, — сказала я. — Я правда не знаю, как это называется. Но, кажется, это моя родина.

(Продолжение следует :)